

УДК 81-22

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КАТЕГОРИИ ОБОБЩЕННОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)

канд. филол. наук, доц. Е.А. ГАПАНОВИЧ
(Минский государственный лингвистический университет)

Рассматривается одно из самых диффузионных понятий в лингвистике – обобщенность. В качестве методологической базы исследования используются теоретические положения интерпретирующей семантики Ф. Растье. Устанавливаются уровни категориального, функционального и конкретного обобщения, раскрывающие парадигматическую и синтагматическую иерархичность и дифференциацию семантического потенциала выразительных единиц французского языка в представлении обобщенности как когнитивно-номинативной ситуации. Системно-категориальный подход к рассмотрению строевых и коммуникативных единиц французского языка со значением обобщения и их функциональных возможностей выявил имплицитные (нарушение парадигматических отношений, категориальный сдвиг и семантическое расширение, фоновые знания) и эксплицитные (сверхкатегориальные грамматические объединения и пунктуационные знаки) способы означивания. На конкретном уровне обобщения в выражении понятий множественной количественности установлена специализация номинативных (как лексических, так и синтаксических) единиц французского языка.

Введение. Современные семантические исследования нацелены на выявление органической связи языкового материала с формами человеческого мышления. Выявление когнитивных и семантических оснований генеричности осложняется тем, что язык априори является системой анализа, синтеза, обобщения явлений, а логическая структуризация знаний и опыта говорящего субъекта характеризуется многоэтапностью речемыслительной операции и использованием выразительных средств языка, призванных отразить разные по степени и глубине результаты обобщения. Думающий субъект означает результаты и этапы познавательной деятельности посредством языковых и речевых единиц, с одной стороны, обобщенно отражающих реальную действительность, с другой стороны, объективированно представляющих мыслительные формы – понятия, суждения, умозаключения. Именно поэтому речь является средством познания. Через речь субъект идентифицирует для себя любой объект окружающего мира, выполняя процедуры **генерализации** и **референции** и устанавливая его место в понятийной сетке и в денотативном поле соответственно [1, с. 181].

Возможность мыслить категориально системно обусловлена обобщающей функцией языка и речи. В то же время основу знаний о системе языка составляют его категории, понимаемые как объединения однородных языковых единиц на основании какого-либо общего свойства, параметра, признака в «ограниченное количество непересекающихся классов» [2, с. 215]. Однако категории мышления, с помощью которых человек организует свой опыт познания элементов и объектов внешнего мира, их многообразия и универсального характера связей между ними, не зависят от особенностей языкового строя, но могут быть отражены в нем в той или иной мере эксплицитно с помощью специальных средств – единиц плана выражения, включенных не только в морфологическую и синтаксическую, но и лексическую систему.

Ввиду того, что до сих пор отсутствуют комплексные исследования строевых и коммуникативных единиц языка со значением обобщения и их функциональных возможностей, а само понятие обобщенности остается одним из диффузных в лингвистике, актуальным представляется уточнение семантических оснований и систематизация вербализованных знаний о типическом. Таким образом, ждет своего решения важная научная проблема о структурировании информации в языковой картине мира.

Основная часть. При выделении семантических основ признака, конституирующего группу единиц со значением обобщенности, – классемы – необходимо учитывать глубину обобщения эмпирических знаний субъекта. Так, на категориальном уровне понятийная идентификация реализуется через соотнесение объекта с классом ему подобных на основании **существенных** характеристик. Информация же о последних содержится и представлена макрородовой семьей, относящейся к семантическому измерению [3, с. 362], т.е. протяженности, для которой может быть установлена система семантических величин и отношений. Как правило, данной семьей отражаются фундаментальные понятийные области. Как справедливо отмечает В.А. Виноградов, статус категориальности может быть приписан довольно широкому набору элементарных смыслов, таких как ‘одушевленность’, ‘личность’, ‘предметность’, ‘счетность’ и т.п. Эти семантические элементы универсальны, сами по себе не представляют особого интереса [4, с. 35] и характеризуются имплицитными формами означивания, поэтому значение обобщенности угадывается носителями интуитивно или из контекста [5, с. 69], в том числе и невербального (из фоновых знаний).

На категориальном уровне фиксируются лишь общие очертания объекта, без представления частностей и включения индивидуальных смыслов. Именно с этих позиций обобщающие номинации пред-

ставлены в виде теоретических знаний говорящего, суждений строгой всеобщности и безусловной необходимости и максимально приближены к терминологическим употреблениям. Например, доктор предписывает больному носить рубашку счастливого человека / *la chemise d'un homme heureux*:

Ne pensez-vous pas, Saint-Sylvain, qu'en prescrivant la chemise d'un homme heureux, le docteur Rodrigue a pris le terme d' "homme" dans son sens générique, considérant l'espèce humaine tout entière, abstraction faite du sexe, et entendant une chemise de femme aussi bien qu'une chemise d'homme (A. France, *Chemise*, 1909, p. 199).

В типическом представлении (*dans son sens générique*) класса (счастливых) живых существ (*l'espèce animale / humaine*), половая принадлежность человека / *homme* второстепенна и не учитывается (*abstraction faite du sexe*). Сравним словарную дефиницию *homme* – “*être appartenant à l'espèce animale la plus développée, sans considération de sexe*”. Таким образом, рубашка может принадлежать как женщине, так и мужчине, а менее важные свойства объекта либо игнорируются, либо объединяются по принципу абстрагирования от второстепенных деталей (мужской и женский пол объединены в общий род). С этих позиций французская лексема мужского рода “*gens*” является существительным, соотносимым с семантическим общим родом.

Дифференциация по степени проникновения в сущность познаваемых объектов онтологической реальности специфически преломляется в сфере организации семантической структуры номинативной единицы. Так, она может быть использована в частно-конкретном смысле, называя некое единичное явление, или же в обобщенном смысле (номинируя целый класс объектов). Например, высказывание

Une femme est une femme

можно интерпретировать как «всякая конкретная женщина имеет свойства, присущие женщине в общем». Аналогично,

A la fac, l'homme est une femme comme les autres (Le Monde, 11.09.2013) – В университете преподаватель-мужчина – такая же женщина, как и все другие.

Категориальное обобщение “как и все другие женщины” служит выводом из конкретной ситуации “мужчина – преподаватель”, имплицитно факт иронической насмешки.

Однако актуализация смыслов – частно-конкретного или обобщенного – будет зависеть от того, какие признаки семы (дифференциальные или интегральные) выполняют функцию ремы:

“L'Histoire n'est qu'une histoire à dormir debout” (Jules Renard) – Вся История – это всего лишь бабы-рассказни.

При генерализации в *l'Histoire* исходной является референтивная часть значения “*récit d'évènements / histoires inventées*”, а рематической – категориальная “*l'évolution humaine considérée comme objet d'étude*”, при референции наоборот.

С обобщенными, неактуализированными смыслами можно соотнести виртуальное значение языкового выражения в системе языка, когда оно абстрагируется от всех возможных случаев употребления и представляет собой не только максимальную степень обобщения признаков предмета внеязыковой действительности, но и фиксированные семантические величины и константы, существование которых обусловлено общими знаниями бытия.

“Nous vivons dans l'histoire comme des poissons dans l'eau” (Sartre). – Мы в истории, как рыба в воде.

Сделать вывод о категориальном характере *истории* возможно на основании универсального, фоновое знание о естественной среде обитания для любых рыб – воде. С этих позиций семантическая категория обобщенности отражает знание о состоянии ситуации в целом.

Как справедливо указывает В.В. Казаневская, “в отношении категориального обобщения присутствует еще свойство *многоаспектности*: то есть в зависимости от условий применения, их не основной, но дополнительный смысл может принимать различные значения” [6, с. 75].

В типизированном представлении *личности* как “совокупности свойств, присущих данному человеку, составляющих его индивидуальность / *ce qui différencie une personne de toutes les autres*”.

“Le peuple arabe a gardé sa personnalité qui n'est pas réductible à la nôtre” (Camus). – Арабы сумели сохранить свою индивидуальность, которая не приравнивается к нашей.

К макрородовой семе “личное / индивидуальность / *l'individualité*” прибавляется такой атрибутивный признак, как, например, *ethnique* / этнос; общность людей (племя, народность, нация), имеющая социальную целостность и оригинальный стереотип поведения.

Сравним:

Il n'y a pas là d'appréciation péjorative: je veux dire que la personnalité et le talent de ces compositeurs sont tels qu'il leur est difficile de se plier à n'être que des serviteurs du récit en images. – В этих словах нет порицания, я хочу лишь сказать, что творческая индивидуальность этих композиторов мешает им рабски подчиняться требованиям кинорассказа.

On disait qu'elle [Zaza] avait de la personnalité: c'était là son suprême privilège. (S. de Beauvoir, (GL).) – Говорили, что Заза – личность, и это было ее главным достоинством.

Здесь *la personnalité* помимо ‘индивидуальности’ интерпретируется или как творчество, или как сильный характер.

Таким образом, ввиду многоаспектности категориальный уровень обобщения может определяться и отношениями объединения / синтеза между существенными и второстепенными признаками, допуская до некоторого предела варьирование последних.

Так как категориальное обобщение выполняется через элементарные формы мышления, то оно может реализовываться путем сравнения. Эти две мыслительные операции переходят друг в друга. Например: *L'histoire tombe au-dehors comme la neige.* (André Breton) – История, как снег, падает на голову.

История в своем развитии может быть такой же неожиданной, как и природные явления, которые сложно иногда прогнозировать и тем самым познать. Обобщение происходит поэтапно: сначала через расширение до категориального уровня семантики конкретной номинативной единицы “снег → природные явления”, а затем через сравнение свойств разных объектов (эксплицитно представленного в языке с помощью синтаксической конструкции), т.е. сближение результатов эмпирического познания из разных областей с целью приобретения общего теоретического. Другими словами, исключение дифференциальных признаков как частных, индивидуализирующих необходимо для того, чтобы получить семантему более широкого объема, но менее конкретного содержания, и чтобы единичные сущности были включены в более широкие смыслы. Обобщение “*histoire*” и “*neige*” позволило распределить объекты действительности в группы, которые до акта речи существовали параллельно, но были соотнесены друг с другом говорящим в зависимости от степени обобщения.

Сравнение возможно не только между членами одной и той же категории. Например, при категориальном сдвиге – онтологической метафоре, такой как:

Un vieillard qui meurt, c'est une bibliothèque qui brûle. – “Умерший старик как сгоревшая библиотека” (Le HuffPost, 09/10/2013).

живое существо старик / “un vieillard” уподобляется объекту неживой природы библиотеке / “une bibliothèque”. Именно актуализация макрородовой семы ‘хранилище / вместилище (знаний) / *savoir*’ и нейтрализация их родовых несовместимых признаков (одушевленность и предмет мебели) обеспечивает “стыковку” несочетающихся понятийных областей.

Значимость широкого смыслового компонента – (положительная) объектов и явлений окружающего мира для человека – делает возможным метонимический перенос: библиотека – кладезь знаний – старик.

Данное положение о подобии подтверждается исследованиями антрополога Б. Берлина и когнитивного психолога Э. Рош [7, с. 71], которые выяснили, что существует такой уровень категоризации, на котором общие очертания членов категории воспринимаются как подобные. Отсюда и возможность представления объектов действительности как схемы, т.е. примитивно, упрощенно. Сравним, в русском языке: “Но герои нашего фильма – не ходячие схемы и не дуболомы с каменными кулаками” (АИФ, 25.02.2009) и во французском – *L'aspect social du roman de Zola a disparu dans cette transposition moderne et les personnages sont schématiques* (Le Monde, 24 juin 2012).

Отметим, что нейтрализации подвержены не только дифференциальные компоненты именных знаков, но и глагольных:

Mourir est un pays que tu aimais. (Yves Bonnefoy, Du mouvement et de l'immobilité de Douve) – Смерть это как страна, которую когда-то любил.

Вместе с тем сходство может устанавливаться не только по специфически присущему признаку, общему для обоих объектов или понятий, но и носить так называемый “фамильный” характер: “члены категории могут быть связаны друг с другом без того, чтобы все члены категории имели какие-либо общие свойства, конституирующие категорию” [8, с. 30]. Так, значение родовой семантемы ‘старика’ / *les vieux* является обобщающим как для парадигматически взаимозаменяемых лексических вариантов: пожилые люди, старшее поколение, пенсионеры (*personnes âgées, vieillards, les seniors*), так и смежных, взаимно дополняющих друг друга: старая гвардия, предки, родители, отец с матерью (*les anciens, les parents, les proches*). В последнем случае языковым выразителем категориального признака обобщения является семантема с компонентом, относящимся к семантической области и представляющим отрасль знаний о сфере человеческой жизнедеятельности, так называемым мезородовой семой [3, с. 364]. Семантемы такого обобщения на функциональном уровне отражают сложные родовые референты как комплексы, образованные в результате объединения / синтеза объектов из разных семантических измерений, но относящихся к одному социальному окружению [9], например, “институт” – это совокупность научных учреждений или деятелей, имеющих своей целью развитие науки или искусства:

En fondant à New-York l'Institut français, qui groupait des sommités de la science, de l'histoire, de la philosophie, le professeur Focillon obtenait l'accord de ses collègues pour demander au général de Gaulle de reconnaître l'établissement par décret (De Gaulle, *Mém. guerre*, 1954, p. 183).

Institut de France – compagnie savante formée par la réunion de l'Académie Française, l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, l'Académie des Sciences, l'Académie des Beaux-Arts, l'Académie des Sciences morales et politiques.

Показательны в этом отношении французские имена существительные *homme / femme / gens*, входящие в состав многих обозначений человека по его качествам, занятиям, а также аналитические словоформы типа *espace ludique* 'игровая зона / игротека', *espace vert* 'зелёный массив', *espace détente* 'зона отдыха', "*L'Espace littéraire*", de M. Blanchot 'литературный мир / творчество' писателя Бланшо.

Devenu homme d'affaires et patron d'un groupe de presse, Futurs Médias, Youssou N'Dour, 54 ans, s'est engagé en politique en 2010. (Le Monde, 12.10.2013) – Став бизнесменом и владельцем издательского дома Фютюр Медиа, 54-летний Юсу Ндур в 2010 занялся политикой.

Femmes de combat, de caractère et de convictions, les nouvelles Amazones entendent faire de la politique «autrement». (L'Express. fr) – Женщины-борцы, по характеру и убеждениям новые Амазонки, собираются заниматься политикой "по-другому".

Для функционального обобщения характерна атрибутивная связь, реализуемая номинативными единицами в позиции предикатива или приложения – *devenu homme d'affaires / femmes de combat*. Значение именной группы определяется на уровне синтаксической конструкции, в том числе учитываются и семантические характеристики предикатного выражения.

На уровне малой степени обобщения – конкретного – классификационные единицы (таксемы) организованы в минимальные парадигмы, внутри которых определяются видовые семы (*classes minimales d'interdéfinition* [9]). Наличие таксемы предопределено существованием одной единицы с видовыми семмами относительно другой. Например,

George Sand dit qu'on peut classer les hommes suivant qu'ils aspirent à vivre dans une chaumière ou dans un palais. Mais la question est plus complexe: qui a château rêve chaumière, qui a chaumière rêve palais. (Bachelard, La Poétique de l'espace, 1957, p. 70) – Жорж Санд пишет, что можно поделить людей на тех, кто хочет жить в хижине, и тех, кто стремится жить во дворце. Но этот вопрос гораздо сложнее: тот, кто владеет дворцом, мечтает о хижине, а тот, у кого есть хижина, мечтает о дворце.

Les notabilités, qui se trouvaient comprises dans cette dernière catégorie, étaient suffoquées d'un tel manque d'égards. (Jean-Christophe Tome II Rolland, Romain) – Именитые горожане, которых она отнесла к этому последнему разряду, разгневались от такого неуважения.

Выделение таких разрядов зависит от степени и объема знаний говорящего (отсюда и обязательная авторизация информации), в большинстве случаев они носят субъективный характер и организованы в таксемы, включенные в область наивной семантики, сгруппированные по семи признакам: *individual* 'индивидуальное', *entity* 'коллективное', *real* 'природное', *social* 'социальное', *physical* 'физическое', *sentient* 'чувствующее', *temporal* 'протяженное во времени' [10, p. 59].

Конкретные обобщения соотносятся с тривиальными понятиями, которые "отличаются от научных понятий некоторой расплывчатостью; их границы плохо очерчены, а лежащие в их основе классификационные признаки и представления недостаточно точны, иногда даже ошибочны (ср.: рыба-кит, солнце поднялось и т.п.)" [11, с. 10].

Et surtout, vous catégorisez vite les gens, d'un côté les défenseurs des animaux et de l'autre les meurtriers. (Branchez-vous) – Уж очень вы быстро классифицируете людей: с одной стороны, защитники животных, а с другой – их убийцы.

Такие обобщения носят характер субъективной неопределенности, поскольку говорящий в момент речи не очень ясно отдает себе отчет в различиях между сходными понятиями и предметами (наименования растений, животных, предметов быта) [12, с. 43–44].

N'importe quel Français doit être choqué par ce drame, encore aurait-il fallu que ces mêmes Français en aient connaissance. – Любой француз будет сражен случившимся... но для начала нужно, чтобы он вообще смог об этом знать (Atlantico, 4 juin 2013).

Француз обязательно прореагирует на событие, если он о нем знает. Поэтому определить точно семантический объем данной видовой семантемы сложно, так как не актуализирована референтная часть значения, а категориальная зависит от выполнения условия.

Сравним, также:

Il [Ober] cherchait vainement dans quelles catégories il pourrait les classer; car il avait besoin de classer les gens, pour les comprendre (Jean-Christophe, R. Rolland). – Обер ломал себе голову, к каким бы категориям их отнести, ибо ему необходимо было классифицировать людей, чтобы понимать их (Жан-Кристоф, Р. Роллан).

Субъективная классификация людей необходима для понятийной идентификации самого говорящего, так как он стремится организовать ее не в соответствии с универсальными широкими смыслами, а исходя из личностной ценностно-смысловой сферы.

Le jeune Granson appartenait à la classe des hommes de talent qui s'ignorent et se découragent facilement (Honoré de Balzac, les Rivalités: la Vieille Fille, Gallica). – Молодой Грансон принадлежал к разряду талантливых людей, которые сами себя не знают и легко отчаиваются.

На уровне конкретного обобщения допускается исключение из всеобщности, поскольку микрородовая сема соотносится с ситуацией из реального, а не только всех возможных миров, например:

Grillons, vers et sauterelles dans l'assiette des Européens... Les insectes glissent une (timide) patte dans les assiettes européennes (Le Monde, 12.10.2013). – Сверчки, червяки и кузнечики на тарелке европейцев... В европейских меню постепенно появляются насекомые.

Кузнечики являются не только насекомыми – членистоногими животными (актуализирована макрородовая сема) и блюдом (актуализирована мезородовая сема), но и (что и составляет исключение из класса) появляются в меню европейцев.

Как было уже отмечено выше, в результате ментальных операций познания через речь, думающий и говорящий субъект развивает актуальные значения и расширяет их, наполняя личностными смыслами, т.е. генерализирует. До момента полного отвлечения от ситуации аналитическая речемыслительная деятельность субъекта регулируется текущим состоянием его сознания. При этом уровни функционального и конкретного обобщения формируются на базе узуальных значений, промежуточных между актуальными и виртуальными.

Сравним, например, ситуацию обобщения:

Il se représente soudain tout ce que ce mot contenait d'usuel, de domestique, de ridicule (A. France, *Mannequin*, 1897, p. 117). – Он живо вообразил себе всё привычное, домашнее и смешное, что воплотилось в этом слове.

В этой ситуации выявляется субъективный характер обобщения значений слова для говорящего: свой личный опыт, свои знания и эмоции, он [человек] выражает словом, вмещающем не только нечто обычное (из сферы его когниции), но и что-то домашнее, близкое (из его личного пространства), и нечто смешное (из его эмоциональной сферы).

Вместе с тем познавая множественность мира и гетерогенность объектов, субъект мысли может совершать логические ошибки, сравнивая или сопоставляя далекие либо несовместимые понятия, но при этом строить предложения по грамматическим правилам. Например:

*alors j'ai pensé au mot destruction
et à tout ce qu'il faudrait rassembler*

(été, jazz, corps à corps et tango, immensité, jardin, rivage et quelques insectes) Nicole Brossard Au présent des veines, No. 6.

Как видим, однородные члены предложения *été, jazz, corps à corps et tango, immensité, jardin, rivage et quelques insectes* называют ассоциации говорящего, связанные с представлением обобщенного образа лета, синонимичного понятию “разрушение”. Такое логическое нарушение, оформленное как языковой парадокс, созданное посредством смыслового сближения и перечисления логически несовместимых слов, вполне осознано говорящим.

Семантика обобщенности объективируется как лексическими средствами выражения, так и морфолого-синтаксическими проявлениями. Однако их соотношение и значимость определяется функциональными и типологическими особенностями самого языка. Например, для некоторых лексем, а также грамматических разрядов французских слов признак общности “в общем, в совокупности” является доминирующим. Сравним: неопределенное местоимения *on* и собирательное имя существительное.

On – les hommes en général, l'homme.

Le nom collectif – se dit d'un terme singulier et concret représentant un ensemble d'individus.

В то же время можно заметить, что в дефиниции местоимения *on* устанавливается тождество между именными группами *les hommes en général* и *l'homme*. Это возможно ввиду обобщающей функции определенного артикля единственного числа. При этом обобщающее местоимение, как правило, сочетается с глаголом единственного числа.

Заключение. Категориальная семантика обобщенности во французском языке обусловлена не только семантическими возможностями номинативных единиц, но и типологическими доминантами грамматической системы, а именно «сверхкатегориями», объединяющими несколько категорий (например, число и определенность в именной системе). Во французском языке, как и в ряде других, отсутствует грамматическая категория обобщенности, которая была бы представлена дихотомической оппозицией и представляла собой замкнутую систему единиц, организованную по принципу «единства форм и значения». Однако генерализация является вторичной функцией артикля [13, с. 269], класса слов, актуализирующих понятия. Современные лингвисты единодушны в том, что между логическими категориями и языковыми отсутствует строгое и однозначное соответствие. И если грамматических категорий больше, чем логических (например, суждение, вывод, умозаключение), то, следовательно, и логический оператор всеобщности проявляется в нескольких языковых категориях, таких как количества (квантификации) и числа, детерминации и отрицания. Кроме того, языковые средства со значением обобщения полисемантичны и в первую очередь являются формой выражения других категорий.

Как видим, функциональное и конкретное обобщение, в отличие от категориального, имеет преимущественно эксплицитные способы означивания и легко распознается адресатом в тексте. Во фран-

цузском языке их маркерами являются не только знаки обобщающей номинации (лексические и синтаксические), но и пунктуационные знаки при обобщающем слове (двоеточие и тире).

Если семантическим основанием для категориальной генерализации является соотнесенность с признаками «универсальности», «целостности», «объединения / синтеза», «подобия / компаративности», отражая тем самым универсальные элементарные смыслы, включаемые в высказывании в «общую» ситуацию, и объективируя в языке понятия вывода, умозаключения; понятия с обобщающим и индивидуализирующим значением одновременно и абстрактный характер временного плана, то на уровне конкретного обобщения вербализуются понятия количественной характеристики (*multitude, foule, masse, affluence, tas, flot, amas, nuée, peuple, armée* и т.д.), в том числе и понятия приблизительного и абсолютного множества (*approximativement*); понятия, имеющие собирательное значение (*ensemble, groupe, public, unanime, en équipe, d'ensemble, communautaire, collegial, assemblage* и т.д.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Лещак, О.В. Онтологические проблемы ономазиологии и категориальная типологизация семантического пространства языкового опыта / О.В. Лещак // *Studia Rusycystyczne Uniwersytetu Humanistyczno-Przyrodniczego Jana Kochanowskiego*. – Kielce, 2009. – Т. XVIII. – С. 179–195.
2. Булыгина, Т.В. Категории / Т.В. Булыгина, С.А. Крылов // ЭЛС. – М., 1998. – С. 215–216.
3. Растье, Ф. Интерпретирующая семантика (русский перевод, примечания, предметно-именной указатель А.Е. Бочкарева) / Ф. Растье. – Нижний Новгород: Деком, 2001. – 367 с.
4. Виноградов, В.А. Типология Г.А. Климова в системе языковых типов / В.А. Виноградов // *Вестн. Нижегородского гос. лингв. ун-та им. Н.А. Добролюбова*. Вып. 15. – Нижний Новгород: ФГБОУ ВПО НГЛУ, 2011. – С. 29–40.
5. Гаврилова, Е.Н. Обобщенность как категория лингвистики текста / Е.Н. Гаврилова // *Русский язык за рубежом*, 1980. – № 5. – С. 68–73.
6. Казаневская, В.В. Категориальный уровень в структуре психологической науки / В.В. Казаневская // *Образ российской психологии в регионах страны и в мире: материалы междунар. форума и школы молодых ученых ИП РАН, 24–28 сентября 2006 г.*; под ред. А.А. Аксапольского, И.С. Кострикина, А.В. Юревич. – М.: Ин-т психологии РАН, 2006. – С. 71–6.
7. Ченки, А. Современные когнитивные подходы к семантике: сходства и различия в теориях и целях / А. Ченки // *Вопросы языкознания*. – М., 1996. – № 2. – С. 68–77.
8. Лакофф, Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / Дж. Лакофф; пер. с англ. И.Б. Шатуновского. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.
9. Hébert, L. La Sémantique interprétative en résumé / L. Hébert // *Texto!*. – juin 2002 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.revue-texto.net/Reperes/Themes/Hebert_SI.html.
10. Dahlgren, K. Naive Semantics for Natural Language Understanding / K. Dahlgren. – Boston: Kluwer, 1988. – 258 p.
11. Кацнельсон, С.Д. Содержание слова, значение и обозначение / С.Д. Кацнельсон. – М.: УРСС, 2004. – 110 с.
12. Гак, В.Г. Сопоставительная лексикология / В.Г. Гак. – М.: Изд-во «Междунар. отношения», 1977. – 264 с.
13. Андреева, Е.В. О значениях и функциях артиклей *le, la, les* в современном французском языке / Е.В. Андреева (Исследования по языкознанию: К 70-летию чл.-кор. РАН А.В. Бондарко. – СПб., 2001. – С. 264–276.

Поступила 24.10.2013

THE SEMANTIC INTERPRETATION OF THE CATEGORY OF GENERALITY (BASED ON THE FRENCH LANGUAGE)

E. GAPANOVICH

This article deals with the notion of generality being one of the most diffused in the linguistics. The logical structuring of the speaking person's knowledge and his experience involves multilevel speech and cognitive operations. Their semantic grounds are exposed in the language a priori which is a system of synthesis, analysis and generalizing for realities' nominations. The theory of interpretative semantics proposed by Rastier, being the methodological basis of the research, is used to establish the semantic potential of nominations referring to the stages of categorical, functional and specific generality. The categorical approach to the analysis of formal and communicative units of the French language denoting generality is employed to determine implicit (which are violation of paradigmatic relations, categorical shift and semantic expansion, background knowledge) and explicit (grammatical associations) ways of denoting.